

The background of the cover is a dark, teal-toned illustration. The upper portion shows a turbulent, swirling sea with white-capped waves. In the lower portion, a small, dark boat is seen from a high angle, struggling in the rough water. The overall mood is one of danger and adversity.

Алексей Некрасов-Вебер

Остров неудачников

Современная русская проза

16+

Алексей Некрасов-Вебер

Остров неудачников

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Некрасов- Вебер А. Г.

Остров неудачников / А. Г. Некрасов- Вебер — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Действие происходит в параллельной реальности, очень похожей на современную Россию. Группа людей решает создать крохотную ячейку альтернативного общества, реализующего принципы свободного труда и коллективной собственности. Проект собирает совершенно разных людей. Здесь и бывший хирург, и разорившаяся фермерша, сын священника, алчущий Царства Божьего не только на Небесах. И у каждого из них свой надлом, своя неудача. И всех их судьба сводит вместе, чтобы начать жизнь с чистого листа.

© Некрасов- Вебер А. Г., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Алексей Некрасов- Вебер

Остров неудачников

Действие повести происходит в одной из параллельных реальностей, очень похожей на Россию ближайшего будущего. Поэтому автор намеренно допускает некоторые несоответствие времени, событий, и малозначительных деталей.

Часть 1

Заброшенная дорога

Ранним туманным утром узкоколейка приняла их на окраине спящего поселка и повела в никуда. Казалось, еще один поворот и она окончательно исчезнет, растворившись в зеленой пустоши леса. Когда-то стальные рельсы безжалостно резали чащу, теперь же лес перешел в контрастступление, окружая дорогу зарослями молодого осинника, обволакивая покровом травы и мшистой почвы. По рельсам деловито сновали муравьи, а из прогневших шпал, как самурайские знамена, торчали острые пики диких злаков.

Но в этот день люди снова вернулись. Солнце, разогнав утренний туман, нещадно палило. Укрывшись в прохладную тень разлапистых елей, лесные обитатели с тревогой и любопытством наблюдали, как несколько мужчин, обливаясь потом, толкают по рельсам нагруженную доверху платформу. На некотором отдалении, изредка переговариваясь, шли женщины. На спусках чернобородый мужчина в камуфляжной форме выжимал тормоз. Подождав пока все запрыгнут на платформу, он отпускал их, и дальше ехали с ветерком, чуть притормаживая на крутых поворотах. Но спуски попадались гораздо реже, чем подъемы, во всяком случае, так им казалось. И мужчины, наваливаясь всем телом на горячий металл, толкали свой груз дальше. Иногда они устраивали себе отдых. Зайдя с теневой стороны, падали около колес на землю, потом десять – пятнадцать минут лежали, вдыхая медовый запах трав и слушая голоса леса. Женщины тем временем собирали цветы и некоторые уже успели украсить свои прически венками.

Месяц май только начинался, но лето, не дожидаясь своего календарного срока, быстро набирало силу. Впрочем, устоявшееся понятия о временах года пора было менять. Климат с каждым годом становился все теплее. Май превращался в июнь, а начало октября больше походило на конец августа. Ученые давно били тревогу. В прибрежных районах строились дамбы. На конференциях много говорили о надвигающихся бедах, однако о всерьез спасти мир пока никто не собирался. А горстку людей отдыхающих в тени у платформы все эти проблемы сейчас меньше всего волновали. По уходящей в неизвестность дороге они вступали в свою новую жизнь, и все надежды и страхи вертелись вокруг этого главного события.

Лес подступал все плотнее. Ели скрещивали над дорогой лохматые лапы, словно стражники у ворот Берендеева царства. Одна из женщин громко сказала, что все это напоминает путь в сказку, но тему никто не поддержал. Соленый пот застилал глаза мужчин, а изголодавшиеся лесные комары со звенящим писком атаковали мокрые лица и шеи. Женщинам тоже было не до романтики. Путь в неизвестность страшил их, и мысли крутились испуганные и тревожные. Десятилетия новейшей истории давно убили в них надежду на сильный пол. Плечо, на которое можно опереться, из извечной женской мечты превратилось в повод для злой иронии. Впрочем, в городской жизни они и сами неплохо справлялись. Но сейчас впереди ждала неизвестность с другими законами и правилами, и женские взгляды с затаенной надеждой скользили по мокрым от пота спинам своих будущих кормильцев и заступников.

К вечеру узкоколейка вывела к неширокой лесной речке. Осмотрев мост, мужчины приняли решение рискнуть и перекатить платформу на другой берег, но самый ценный

груз предварительно сняли и перенесли на руках. Предосторожность оказалась нелишней. Под весом платформы старый мост затрещал и начал проседать, на счастье перебраться на другую сторону все же успели. После небольшого совещания решено было здесь же на берегу устроить ночлег. До конечной цели оставалось около семи километров, но в новую жизнь лучше всего входить утром.

Председатель

В этот вечер, поддавший уговорам мужской части коллектива, Илья распорядился достать из неприкосновенного запаса несколько бутылок водки. Накануне на собрании общины постановили: – спиртное употреблять только по большим праздникам и в особых ситуациях. Но сегодняшний вечер, хоть и с некоторой натяжкой, можно было подвести под эту статью. Ситуация действительно не штатная – ночевка под открытым небом на берегу тихой лесной речки, которая словно рубеж пролегла между старой и новой жизнью.

Свои сто грамм он выпил с большим удовольствием, но тут же пресек разговоры о продолжении. Кое у кого это вызвало неудовольствие.

– Много берешь на себя, бугор! – прошептал кто-то в спину. И этого хватило, чтобы вогнать председателя в краску. Нельзя сказать, что Илья боялся конфликтов, но когда схватка опускалась на бытовой уровень, и бороться приходилось не за какую-то идею, а лично за себя, он, как правило, терялся. Вот и сейчас чувствовал, как предательски деревенеют лицевые мышцы, а в голове уже испуганно крутилось:

" Действительно, кто ты такой, чтобы распоряжаться!?"

Ситуацию, к счастью, разрядил Давид Бергинсон , совмещавший в их общине обязанности врача и кладовщика. Широкой сильной ладонью бывшего хирурга он хлопнул себя по колену, и твердо объявил:

– Все. Шинок закрыт, панове!

Уверенный голос и недобрые огоньки в карих иудейских глазах общинного "ключника" неожиданно возымели действие. Ропот стих, и председатель смог вздохнуть с облегчением. Один их первых камней вроде бы успешно обошли. Он с благодарностью посмотрел на кладовщика, но тот не удостоил ответным взглядом. Погруженный в какие-то свои мысли Давид смотрел на костер. Обрамленное густой бородой лицо с острыми резкими чертами, походило сейчас на лики библейских персонажей.

" С этим тоже не просто будет! Да и вообще все как-то не просто..."

Илья ощутил острое желание хоть на время оказаться сейчас в одиночестве. Подальше от проблем, от свалившейся на него власти, от бесконечных зацепок еще не притершихся друг к другу характеров. Повод уединиться скоро нашелся. Расправившись с остатками каши, он отказался от добавки и спустился к реке, помыть посуду. Скинув обувь, закатал штаны и вошел в воду. Сначала ноги защемило, но очень скоро он уже не чувствовал холода, и стоя по колено в воде, неспешно протирал пучком травы миску.

Солнце успело скрыться за плотной стеной леса, но еще продолжало присутствовать в этом мире. По течению медленно плыли молочно-белые клочья тумана. Алые блики отражались в светло сером зеркале реки, а с темнеющего небосклона любовался закатом изысканный серп молодого месяца. Плеск рыбы, крики ночных птиц и долетавшие со стороны костра голоса людей, казалось, только подчеркивали умиротворяющую тишину и были ее составной частью. Что-то волшебное виделось даже в мерцании костра над речным склоном, и тонкий желтый серп молодого месяца, торжественно плыл по небу, обходя дозором свое зачарованное королевство.

Сегодня днем, когда одна из женщин сказала что-то о воротах в сказку, реплика вызвала только раздражение. Жара, пот и комарье совсем не располагали к романтике. Теперь же Илья вспомнил о "сказочнице", которую, кажется, звали Анастасией. У него еще с молодого

сти была отвратительная память на имена, однако образы он всегда схватывал очень цепко. Вот и сейчас представил, как она идет, осторожно наступая на укрытые травой шпалы. Единственная из всех женщин, в дорогу Анастасия одела не джинсы, а длинную складчатую юбку. Пышные каштановые волосы волнистыми прядями падали на плечи. Наверное, перед походом успела посетить парикмахера и сделать прическу, а вот косметикой явно не злоупотребляла. Во всяком случае, лицо казалось простым и естественно милым.

Уже давно Илья не замечал этих качеств у молодых привлекательных женщин. Свою природную красоту и все ухищрения современной моды они использовали как дубинку, которой нещадно били по мужскому воображению и животным инстинктам. Сейчас же, думая про Анастасию, он чувствовал, как в душе пробуждается что-то светлое и давно забытое, но испуганно гнал от себя эти мысли:

" Теперь не до личного! Хоть как-то бы закрепиться, а уж потом все остальное..."

Со стороны склона слышались женские голоса. Илья почему-то испугался, что его застанут мечтающим в одиночестве на берегу реки. Достав сигарету, он прикурил и медленно двинулся по направлению к лагерю. Навстречу из сумерек вынырнула коренастая женская фигура. Повариха Надька несла стопку тарелок. Видимо не все оказались сознательными, и женщинам пришлось заняться мытьем посуды. Следом за поварихой с полотенцем и банкой моющего средства шла Анастасия. Увидев его, она сначала испуганно потупила взгляд, а потом вдруг подняла глаза и посмотрела открыто и прямо. Но тут же ее заслонила весьма бойкая особа в джинсах и ковбойке. Концы рубашки она завязала узлом на животе, демонстрируя всем окружающим бронзовую полоску загара.

Юлию председатель давно заметил и выделил среди остальных. Он даже сразу запомнил, как ее зовут. Эта платиновая блондинка умела производить впечатление и хорошо знала себе цену. Ведя собрание, Илья не единожды спотыкался глазами о пухлые загорелые округлости в глубоком вырезе майки. Всякий раз тут же следовал ответный насмешливый взгляд. Уже потом, когда начались выступления с места, Илья отметил, как Юля внимательно разглядывает собравшихся, словно изучает и оценивает их. Это почему-то сразу насторожило. Хотя возможно для психолога (так она написала в анкете) изучение окружающих было профессиональной привычкой.

– Наш председатель любит прогулки в одиночестве? – иронично поинтересовалась Юля. Илья хотел сказать в ответ что-нибудь остроумное, но ничего не пришло в голову и он, словно оправдываясь, сообщил:

– Посуду ходил мыть.

– Посуду мыть, это правильно! А вот курить в одиночестве вредно, – констатировала Юля. Илья ничего не ответил. Загушив сигарету, он зашвырнул окурочок подальше в траву и пошел вверх по тропике. На вершине склона оглянулся. Фигуры поварихи и ее спутниц растворялись в сумерках, но голоса были еще слышны. Женщины что-то весело обсуждали.

Журналистка

Вызывая к себе, главный редактор обратился по имени и отчеству, и она сразу же почувствовала, что день не задался. Однако истинных масштабов бедствия Юля тогда еще не представляла. Поправляя на ходу прическу, она двинулась к командирской "будке" – маленькому закутку, огороженному от общего зала полупрозрачными пластиковыми перегородками. Когда проходила мимо стола Машки Колпиной, лучшая подруга, а по совместительству змея и конкурентка, сцепив ладони в замок, пожелала удачи. В ответ Юлия даже не удосужилась послать ее к черту. Настроение уже заранее портилось, и она отчаянно пыталась переключиться на позитив.

Главный явно был не в духе. Никак не ответив на очаровательную улыбку сотрудницы, он молча показал на кресло для посетителей.

– Здравствуйте, Александр Глебович! -вкрадчиво промурлыкала Юля и, по-кошачьи изогнув спину, села напротив шефа. Грудь подала вперед, так, чтобы вырез на кофточке раскрылся, и главному было на что смотреть во время беседы. Однако Глебович глядел куда-то в сторону, и держался подчеркну-то официально. Так, будто бы это не она всего лишь пару дней назад, сладко потягиваясь, лежала в его смятой постели. А он, как хороший мальчик, в коротком махровом халате и пушистых тигровых тапочках, готовил на кухне кофе.

" Как пить дать какую-нибудь гадость подсунет!" – с тоской подумала Юля, и подавалась назад, не желая больше демонстрировать сокровенные прелести неблагодарному представителю грубого пола. А Глебович, закончив обычную прелюдию об ответственности сотрудников, перешел к основной части. Сначала, он сообщил, что некий олигарх на фуршете поспорил о том, что проведет успешный социальный эксперимент по созданию модели альтернативного общества. У Юли даже промелькнула робкая надежда:

" Может просто пошлют интервью взять?"

Против того, чтобы встретиться с придурками, избранными в альтернативное общество, она ничего не имела. Еще бы охотнее пообщалась с самим спорщиком. Юля даже представила, как, получив задание, побежит делать прическу. Потом блиц тур по бутикам, и вот уже во всеоружии очаровательная журналистка едет интервьюировать олигарха. Дальше в калейдоскопе воображения, замелькали открывающиеся ворота, глыбообразные фигуры охранников, лифт с огромными зеркалами, и, наконец, сам владелец заводов, газет, пароходов. Она представила, что при знакомстве этот хозяин жизни покажется спокойным и равнодушным, но в цепких колючих глазках скоро начнут загораться хорошо знакомые ей огоньки. Сначала он рассмотрит и оценит ее свежее и розовощекое, как у ангелочка, лицо, потом сконцентрируется на груди. Скользя по кофточке от Армани, взгляд опускается еще ниже к краю мини-юбки...

Она уже начала думать о том, какие выбрать чулки, когда голос главного редактора безжалостно вернул в реальность:

– Внедришься в общину, прочувствует обстановку, дождешься, пока они там все перегрызутся и перетрахаются, и все это подробненько в красках опишешь. Ты у нас по таким темам мастер, можно сказать, профессионал высшей пробы!

Неуклюжий комплимент не подсластил пилюлю. Увидев ее кислое лицо, главный изобразил возмущение:

– Ты это брось, Щавелева! Давай мне тут без трагизма. Всего месяц на свежем воздухе в интересной компании. Как-нибудь переживешь. Работа у нас с тобой такая!

"Козел ты плешивый!" – мысленно выругалась Юля. Потом, уже вслух, внесла альтернативное предложение:

– Как они перетрахаются, я и так напишу. Немножко воображения и ехать никуда не надо.

На этот раз Глебович рассвирепел по-настоящему. Полное лицо побагровело, а от удара кулаком по столу даже подпрыгнул черный диск редакторского многофункционального видеотелефона. Шлепнувшись на стол чудо техники, жалобно пискнуло и нежным девичьим голосом выдало сообщение. Расслышать его Юлия уже не успела. Глебович орал так, будто пиранья откусила ему мужские причиндалы:

– Свои сексуальные фантазии ты будешь в желтой прессе реализовывать. А у меня заказ от серьезных людей на репортаж с места, и ты поедешь, куда скажу! А надо будет лес с ними пилить, будешь лес пилить. Понятно?!

Вернувшись к своему компьютеру, Юля почувствовала, как с краешков глаз предательски скатываются слезинки. Ее новая косметика, как обещала реклама, не смывалась ничем, кроме специально предназначенных для этого салфеток. На всякий случай, она все-таки достала зеркальце и проверила макияж:

" Слава Богу, вроде бы не потекло. Только вот физиономия больно кислая."

Порывшись в сумочке, она извлекла маленькую изящную сигаретницу. Вместе с электронными заменителями, которые можно было употреблять прямо на рабочем месте, там хранилось еще несколько обычных сигарет, на всякий случай. Именно такой случай и наступил. Ей просто необходимо было сейчас одной подымить в курилке. Пока шла через офисный зал, заметила, что Машка Колпина тоже ищет сигареты. Подруге явно не терпелось выведать новости, но такого удовольствия Юля ей доставлять не собиралась. Оказавшись на лестничной площадке, она спустилась на три пролета ниже. Здесь обычно собирались покурить и поболтать парни из рекламного агентства. С одним из них у Машки совсем недавно случился неудачный роман. Так что, не смотря на все ее гипертрофированное любопытство, подруга вряд ли должна была сюда сунуться.

Парни в курилке дружно повернулись в ее сторону. С гордо поднятой головой Юля прошла сквозь липкую паутину взглядов. Она была зла на весь мир и в первую очередь на мужчин. Хотя конечно понимала, что Глебович в данном случае выступал не как мужчина, а как управленец. У него действительно заказ от серьезных дядей, и, скорее всего, дело тут не только в обещанном вознаграждении. Вполне возможно, некто очень влиятельный сказал "надо", и теперь Глебович расшибется в лепешку, лишь бы выполнить указание. А она оказалась разменной пешкой в чужой игре. Такой маленькой хрупкой фигуркой, которую двигают куда захотят и имеют все кому не лень.

Горькой волной вдруг накатила тоска по сильному мужскому плечу, на которое всегда можно опереться, а при случае и спрятаться, переложив на хозяина и защитника все свои проблемы. Такое с ней случалось нечасто. Всегда нравилась быть независимой и самостоятельной. Но теперь пресловутая свобода оказалась ловушкой. Да и какая это свобода, если в любой момент ты словно девочка по вызову обязана ехать куда скажут!

Совсем некстати вспомнилась цитата из краткого курса философии:– "Свобода это осознанная необходимость".

" Какой только извращенец это придумал! Свобода это когда делаешь, что хочешь. Когда имеешь ты, а не тебя имеют ... "

Вдыхая табачный дым, Юля смотрела вниз, на запруженную машинами улицу. С тоской думала о том, как бы здорово было жить где-нибудь в загородном коттедже, а в центр выбираться только по магазинам или на премьеру разрекламированного показа мод или спектакля. И пускай для этого придется стать любимой игрушкой какого-нибудь толстосума. Она справится с этой ролью. А если "любимой игрушке" вдруг станет скучно она, может и ненадолго упорхнуть погулять. Настоящий сильный мужик, если и узнает, простит. Может быть, накажет, но не выгонит.

Один из офисных мальчиков попытался с ней заговорить, но Юля отшила его так, что бедняга даже отскочил в сторону. Снова отвернувшись к окну, с горьким сарказмом подумала:

" Господи, что они все такие запуганные! Ведь плюнешь, утрутся. Не то, что по лицу врезать, нахамить в ответ неспособны."

Огонек сигареты подполз к кончикам ногтей. Сделав последнюю затяжку, она швырнула окурочку в урну, но промахнулась. Обиженный парень попытался что-то сострить по этому поводу. Смерив его презрительным взглядом, Юля молча двинулась к лифту. Войдя в офис, она сразу увидела разгневанное лицо Машки Колпиной.

" Ничего, подруга, потерпишь до вечера! Хотя, может быть, и раньше узнаешь. В нашем змеюшнике новости быстро расходятся."

Сев за компьютер, Юля попыталась сосредоточиться на новом задании. Включила поисковик, и пока электронный помощник собирал информацию, начала заполнять анкету-заявку. Для подобных случаев у нее имелось несколько заготовок биографии. Так как жить среди "натуры" придется не меньше месяца, она выбрала вариант наиболее соответствующий действительности.

"Меньше придется врать, да и быть собой как-то комфортней."

Еще раз, пробежав глазами уже заполненный бланк, Юлия осталась довольна. Все получалось почти как в жизни: -Молодая, одинокая (в некотором смысле, это правда), окончила коммерческий ВУЗ с дипломом психолога, работала в журналистике, сейчас временно неработающая (Это тоже не далеко от истины. Завалит задание, Глебович пинком на улицу вышвырнет).

В качестве причины обращения она указала несогласие с потребительскими идеалами современного общества. Получилось коротко и убедительно. Хотя в принципе можно было и не стараться. По словам Глебовича, среди тех, кто будет подбирать кандидатов в "альтернативное общество", был свой купленный человечек.

Отправив анкету на сайт некоммерческого общества "Альтернативный путь", Юлия стала просматривать, что успел выдать поисковик. Один из запросов касался личности олигарха. Это был один из нуворишей новой волны, поднявшихся из мутной пены последнего экономического кризиса. Как и его товарищи по цеху, он обитал в своем недоступном для простых смертных зазеркалье. Появлялся только среди избранной публики, интервью давал крайне редко. Однако в последнее время начал привлекать внимание прессы весьма оригинальными высказываниями. Казалось, что этот хозяин жизни обеспокоился вдруг судьбами человечества. Аналитики связывали такую метаморфозу с возможным выдвижением его кандидатуры на ближайших выборах. Про спор, сыгравший с Юлей злую шутку, пресса еще ничего накопать не успела. Похоже, что у Глебовича была информация из первых рук, а значит заказчиками, скорее всего, являлись сами участники спора. Разгромный репортаж должен был помочь им выиграть пари, хотя Юлю не оставляло ощущение, что есть и другие причины. Похоже, что кто-то всерьез принял попытку создания макета нового общества и решил задавить начинание в корне.

Мимо, задев мощным бедром край ее стола, прошагала Анька Громовская. Увидев, что она направляется к будке главного, Юля с надеждой подумала, что Анька, узнав по сарафанному радио о предстоящей командировке, предложит Глебовичу свою кандидатуру.

"Ну что ж, флаг тебе в руки, подруга!"

Однако Юля хорошо понимала, что надеяться на такой исход глупо. Громовскую в медио-центре держали исключительно за трудовой энтузиазм. Она не спала ни с Глебовичем, ни со спонсорами, зато легко могла отправиться в тракторный круиз по сибирской тайге, чтобы поговорить о спасении души со старцем из раскольниковского скита. На вертолетах и попутных бронемашинах Анька добиралась до самых дальних блокпостов и гарнизонов в горячих точках. Перебивая косточки сослуживцам, Юля и Машка Колпина давно уже вынесли вердикт, что Анькина тяга к экстриму – классический пример сублимации полового влечения. Так что отправиться на месяц в забытую Богом глубинку для нее было бы в самый раз.

"Может, найдет себе там, наконец, кого-нибудь!"

Но Юлька понимала, что это задание не для Громовской. Эта чокнутая, вернувшись, напишет то, что сочтет правильным, а Глебовичу нужен репортаж строго определенной ориентации. И именно ей Юлии Щавелевой придется его сделать.

Обреченно вздохнув, Юля вложила в поисковик список уже зарегистрированных членов общины. Получив задание, электронный помощник, как натасканная крыса, побежал по "виртуальным помойкам". С некоторых пор в этих полулегальных сайтах кто-то скрупулезно складировал компромат, чуть ли не на каждого жителя федерации. Обычно, не озадачиваясь моральной стороной вопроса, Юля пользовалась "помойками" в профессиональных целях. Иногда заглядывала туда ради любопытства, прочитав что-то пикантное из личной жизни подруг и знакомых. Избегала заходить только на свою страничку. Но сейчас, думая об этих массовых хранилищах "грязного белья" она почему-то почувствовала смутную тревогу. Возникло ощущение, что кто-то невидимый, но вездесущий контролирует жизнь мира. И этот

всемогущий невидимка заставляет барахтаться людей в грязной помойной луже, а тех, кто пытается выбраться, нещадно бьет по голове дубинкой. В какой-то момент ей даже стало жалко чудаков, с которыми придется провести целый месяц. Но она знала, что разгромный репортаж все равно напишет. Сделает все, что нужно главному редактору, его заказчиком и той незримой силе, которая за ними стоит.

Хирург-кладовщик

Он чувствовал, как от долгого созерцания огня начинает терять связь с реальностью. Как врач, Давид понимал, что балансирует на опасной грани. Но пока безумие было контролируемо, и он позволял подсознанию извлекать из своих кладовых яркие образы. Вот и сейчас вместо уютного полога леса он видел вокруг каменную пустыню. Суровый негостеприимный ландшафт, где днем палящий жар сушит гортань, застилает потом глаза и рисует умирающим от жажды обманчивые миражи дальних озер. А ночью от остывших камней поднимается холод.

Убегая от миражей, он снова возвращался к костру. На какое-то время рождалась иллюзия тепла и уюта. Он был рядом с людьми, был членом общины, но все равно чувствовал одиночество.

Осознание своей обособленности уходило корнями в далекое детство. В провинциальном городке, где прошли школьные годы, ему сначала приходилось скрывать свою национальность. Тогда он искренне хотел быть таким как все, но ему частенько напоминали, к какому племени он принадлежит. Потом, Давид осознал:

"Чтобы избавиться от оскорблений надо стать лидером."

И ему это удалось! Дворового короля Даньку уже никто не пытался назвать жидом. А он кулаками и рискованными выходками поддерживал авторитет среди сверстников, распивал в закутке за гаражами портвейн, а по ночам, когда дворовая жизнь затихала, сидел над учебниками.

Давид уже тогда знал, что должен вырваться из хмельной провинциальной трясины. Его отец – известный и уважаемый во всем городе врач Соломон Моисеевич Бергинсон, из каких-то непонятных убеждений не соглашался на перевод в столицу. Давид не понимал тогда отцовского подвижничества. Для себя он твердо решил, что поступит в один из столичных Медов и навсегда покинет этот город. Решение свое он осуществил. Впрочем, это была обычная история мальчика из интеллигентной еврейской семьи, вынужденного выживать в чуждой среде. Странности в его судьбе начались позже.

Сначала, несмотря на трудности, все шло словно по накатанной колее. Молодой перспективный хирург был на хорошем счету в одном из старейших лечебных учреждений столицы. Впереди вырисовывалась неплохая карьера. В двадцать семь лет он женился на операционной сестре и вскоре, она родила ему двух мальчишек близнецов. Денег естественно не хватало, но в те годы бумажные купюры еще не превратились в хозяев мира, а насущные проблемы как-то удавалось решать. Чем-то помогали родители, случались левые заработки, а когда совсем становилось туго, Давид подрабатывал, дежуря на "скорой помощи".

Перемены в его жизни начались после незначительного вроде бы события. Подавшись уговорам жены, Давид принял православное крещение. Его супруга – потомственная донская казачка, следуя семейным традициям, решила крестить детей. С женским максимализмом она настояла и на крещении мужа – "В семье все должны быть одной веры!". Давид не стал сопротивляться, спорить с Галиной было тяжело и бесполезно. Сам он видел тогда в обряде простую формальность, хотя к вере испытывал уважение. Православие входило в моду. А так как ни родители, ни ближайшие родственники традиционной религии никогда не придерживались, с этой стороны он тоже не было препятствий.

Веселый подвыпивший батюшка провел обряд быстро, не утомляя полным соблюдением протокола. Потом в семейном кругу весело отпраздновали крестины. На этом все должно

было бы и закончиться. Но судьба распорядилась иначе. Не сразу, а только через некоторое время он начал ощущать внутри себя некий голос, и почувствовал, что в жизнь входит нечто более сильное, чем все, что определяло его поведение раньше. Наверное, национальные корни взяли свое, и это был голос ветхозаветного Бога – сурового и повелевающего. Звучал он все более сильно и властно. Давид чувствовал, что уже не сможет жить просто, как раньше – делать карьеру, растить детей. Ему уготован другой путь тяжкий и тернистый, но он должен его пройти, потому что так хочет Всевышний ...

Накануне своего тридцати трехлетия, Давид совершил непонятный для окружающих поступок. Когда он объявил, что намерен вернуться в свой родной город, в доме разразился страшный скандал. Галина выросла в маленьком поселке, и снова ехать в "тьмутаракань" решительно отказывалась. Но Давид был непреклонен, и Галина в итоге согласилась, потому, что тогда еще любила его. Хотя возможно на согласие повлияла и трехкомнатная родительская квартира, которую мать перед смертью успела приватизировать и завещать сыну. В Москве им по-прежнему приходилось снимать комнаты, поэтому собственное жилье, пусть и в провинциальном городе стало весомым аргументом в споре.

Земляки приняли неплохо. В городской больнице еще помнили его отца, а вскоре, Давид, завоевал авторитет уже собственными заслугами. Между тем в стране полным ходом шли перемены. По провинциальному городку они ударили очень больно. Закрылся единственный градообразующий завод. Кто-то покидал родные места, кто-то скатывался в темную пучину пьянства и безысходности. Врачам, как и многим в стране, постоянно задерживали зарплату, и порою приходилось питаться одними конфетами, которые еще продолжали носить благодарные посетители. Давид старался не обращать внимания на эти временные трудности. Чтобы там не происходило, он должен был лечить больных, должен был оперировать. Не забывал он и про научную работу. Иногда его приглашали в Москву на симпозиумы, и сэкономленные командировочные были подспорьем семейному бюджету. Галина занялась челночным бизнесом, и это тоже помогало семье держаться на плаву.

Подрастали сыновья, жизнь потихоньку налаживалась. Но видно Всевышний решил послать еще одно испытание. Давид так и до конца не понял, кто вложил в голову женщины, не имеющей ни капли еврейской крови мысль о переезде в Землю Обетованную. Всеми силами он старался противостоять авантюрному проекту супруги, но на этот раз Галина была непреклонна. Она сражалась за детей, для которых не видела будущего в этой стране. В итоге пришлось сделать вид, что он согласен. Расчет был на то, что ничего с переездом в итоге не получится. Однако Галина своей неукротимой энергией пробила все бюрократические препоны, и настало время и ему принимать окончательное решение.

На этот раз голос Всевышнего ничего не приказывал, он просто призывал послушаться своего сердца. И сердце сказала, что уезжать он не должен. Разрыв с семьей очень страшил, но Давид внутренним чутьем угадывал, что если через него переступят сейчас, то это вполне может произойти и там после переезда. Близость людей держится на таких неустойчивых опорах как любовь, взаимоуважение и самоуважение. Выбьют одну, полетят и другие. А интуиция подсказывала, что на исторической родине его предков Галина, скорее всего, найдет себе место, постепенно адаптируются и сыновья, а вот он может оказаться лишним человеком. Здесь в родном городе он почти бог, спасающий людские жизни. А что будет там, в маленькой стране, куда, ежегодно приезжают на ПМЖ хорошие врачи из всех уголков бывшего Союза? Давид хорошо понимал, что если лишится привычного груза ответственности и незаменимости, то перестанет существовать, как личность. А это значит, что он лишится права на любовь жены, на уважение детей.

Была и еще одна причина, в которой он себе долго не хотел признаваться. Оказалось, что он все-таки любит эту землю. Он словно корнями пророс в нее и своими удачами и пере-

житыми бедами, прикипел радостью и горем. Уехав, он разорвал бы себя на две половинки. А такие раны не заживают!

На этот раз решение далось ему очень сложно. Когда Давид его все-таки принял, то в первый момент даже стало легче. Однако испытания для него только еще начинались. Проводив семью до аэропорта, он вернулся в свой город в опустевшую квартиру и сразу же оказался в жестких тисках одиночества. С тех пор жизнь его разделилась на две части. Одна из них была связана с работой. Здесь он был уверен в себе и энергичен, по минутам знал, что и когда должен сделать. Другая половина жизни превратилась в медленную пытку. Словно рыба на льду, он задыхался в образовавшемся вокруг вакууме.

Давид даже не подозревал, что отсутствие близких людей так может изменить дом. Раньше, когда чуть живой от усталости он возвращался с работы, стоило только открыть дверь, и его окружала привычная атмосфера домашнего очага. На кухне ждал приготовленный супругой ужин, сыновья спорили, чья очередь сидеть за компьютером, Галина говорила с кем-то по телефону или смотрела очередной сериал. Поужинав, он падал на диван с книжкой, и остаток вечера пролетал тихо и незаметно. Теперь же враждебная пустота смотрела на него из всех углов квартиры, ставшей вдруг непомерно большой для одного человека. Время тоже приобретало какой-то совершенно иной масштаб и тянулось издевательски медленно. Страшнее же всего были выходные, и он уже со второй половины дня считал часы до наступления ночи. Напрасно Давид просил помощи и совета. Всевышний молчал, видимо вознамерившись довести испытание до конца.

Конечно, вакуум можно было заполнить книгами, изучением иностранных языков, занятиями наукой. Но видимо что-то надлюмилось в нем после отъезда родных. Вместо благородных способов войны с лишним временем он избрал простонародный российский. Поначалу Давид старался себя ограничивать. Бутылка водки растягивалась на три четыре дня. Но постепенно дозы увеличивались. Вскоре он уже покупал пол литра на вечер. А иногда и этого не хватало и приходилось идти за четвертинкой. Продавщица ночного магазина уже приветливо здоровалась и спрашивала:

– Соломонович, тебе как обычно?

На работу он выходил совершенно трезвый. Только черные мешки под глазами, напоминали о тяжелой похмельной ночи. Но постепенно стала пропадать память, ухудшалась координация движений. Все тяжелее становилось оперировать. Давид хорошо отдавал себе отчет, что происходит, но остановиться не получалось. Больше двух трех дней без спиртного он уже не мог выдержать. К уже привычной медленной пытке одиночества добавился еще червь сосущий изнутри желудок. Это изматывающее ощущение не оставляющее ни на минуту. И казалось, только стакан водки может заставить ненасытного червя хоть ненадолго утомиться.

В тот, роковой вечер, Давид, придя домой, первым делом полез в холодильник. Вчера, в нарушении традиции, он купил в ночном магазине не четвертинку, а пол литра. Грамм триста еще оставалось. Новая нераспечатанная бутылка лежала в портфеле. Порезав тонкими колечками лук, он положил их на хлеб, налил большую рюмку и жадно одним глотком выпил. Поморщившись, надкусил луковый бутерброд и выпил вторую рюмку вдогонку. С проснувшимся аппетитом расправился с закуской, налил себе еще и начал изучать содержимое холодильника. В это время в прихожей ожил оставленный в куртке мобильник. Опрокинув на ходу третью рюмку, он не спеша двинулся к телефону. "Лекарство" уже начало действовать. Это был короткий миг счастья, который весь вечер придется удерживать новыми дозами. Давид знал это, но сейчас ни о чем не хотелось думать. Сознание скатывалось в блаженное расслабленное состояние, и в этом теплом болоте ему было хорошо и уютно.

Голос в телефоне, обрушился на него, как ушат холодной воды. Случилось то, чего он уже давно боялся. В операционную после автомобильной аварии доставили молодого человека

с тяжелыми травмами. Дежуривший хирург-практикант не мог самостоятельно провести такую операцию, и требовалось его участие.

Убрав мобильник в куртку, Давид посмотрел на часы в прихожей. Стрелки показывали половину восьмого. Словно ножом полоснула мысль, что в последний раз он смотрит на эти старые семейные часы, будучи порядочным и всеми уважаемым человеком. Когда он вернется часовая стрелка, скорее всего, перевалит за двенадцать, а смотреть на нее уже будет преступник, погубивший человеческую жизнь.

Дальше Давид действовал, как автомат. Поставив на плиту чайник, направился в ванную. Окунув голову под струю холодной воды, дождался, пока на кухне подаст голос свисток. На ходу вытираясь, вернулся на кухню и сделал крепкий кофе. Кипяток обжигал горло и допивал он уже на лестнице в подъезде. Сделав последний глоток, поставил кружку на подоконник и вышел на улицу, где его ждала машина.

Холодный душ и лошадиная доза кофеина почти вышибли хмель, но руки все равно предательски дрожали. Только страшным усилием воли он заставлял их выполнять привычные движения. Его последней надежной стала молитва. Как великую милость, Давид просил дать ему возможность успешно завершить эту операцию. Взамен обещал уйти из своей профессии, и никогда больше не брать в рот спиртного.

На этот раз Бог его услышал, и жизнь пациента была спасена. Возвратившись домой, он нашел кофейную кружку на том же месте где и оставил. Когда с трудом поднялся к себе на четвертый этаж, часы в прихожей показывали половину третьего. В голове промелькнула странная мысль, что прошедший отрезок времени был короткой экскурсией в ад. Вспомнив об обещании, Давид зашел на кухню. Недопитая бутылка стояла там, где его застал звонок. Не колеблясь ни секунды, он вылил в раковину оставшуюся на дне жидкость. Бутылку из портфеля сначала хотел выкинуть в ведро, но передумав, заставил себя дойти до мусоропровода. Только потом он доплелся до спальни и рухнул в кровать. Утром Давид подал заявление об увольнении.

Главврач был удивлен, но отпустил без долгих уговоров. Видимо коллеги уже давно догадывались, что происходит с их ведущим специалистом. Давид лишился единственного, что еще поддерживало его в этой жизни, но, как ни странно, он был спокоен. Теперь он чувствовал, что выдержит до конца посланное ему испытание.

Живя в провинции, человек плотно обрастает знакомствами и связями, тем более, если он известный в городе врач. Один из бывших пациентов помог устроиться в автомастерскую. Так на шестом десятке лет Давид снова оказался в положении ученика, но это никак не ущемляло его самолюбия. Душу словно затянуло защитным панцирем льда. Его новые товарищи по работе, часто ссорились из-за мелочей, в перерывах громко обсуждали футбольные матчи, ругали правительство и начальство. Давиду же все это казалось бесконечно далеким и неважным. Он редко участвовал в общих разговорах, и старался, как можно лучше выполнять свою работу, которую освоил на удивление быстро. Потянулись похожие друг на друга дни. Возвращаясь домой, он около получаса заставлял себя делать гимнастические упражнения, потом готовил ужин. Остаток вечера проводил с книгами. Кроме чтения медицинской литературы, старался заниматься самообразованием в разных областях техники.

Письма от родных, приходили на электронную почту все реже и реже. На четвертый год после переезда, жена совсем перестала писать и только иногда передавала через сыновей приветы. К тому времени семья перебралась в Америку, оставив Землю Обетованную, как пройденную ступень по дороге к процветанию и успеху. Зато он теперь почти каждую ночь видел древнюю Иудею. Опаленные солнцем скалы, тропинки помнящие прикосновение ног пророков, приходили к нему в ярких цветных снах. А утром снова наступали однообразные будни, переходившие и долгие вечера, которые он коротал гимнастикой и книгами. Но иногда сквозь ледяную броню защитного панциря прорывались нехорошие мысли:

" Что дальше? Так и будешь жить, тренируя и поддерживая нужные только тебе мозг и тело, которые все равно неизбежно продолжают дряхлеть?"

Но в глубине замороженной души тлела надежда, что нынешний этап это только подготовка к чему-то. Что Всевышний не забыл о нем. Что он еще совершит что-то важное, подобно библейском Иову снова обретет счастье и покинет этот мир в окружении близких людей переполненный годами своими.

Земля обетованная

Общий подъем объявили в семь утра, но лагерь просыпался очень медленно и лениво. Дежурные не развели во время костер, и завтракать сели только около девяти. Пока грузили вещи на платформу, солнце успело вылезти из-за леса и снова начало припекать. Во время сборов Илья нервничал и сначала пытался руководить процессом. Получалось это у него не лучшим образом. Он неплохо разбирался в своей специальности, но когда дело касалось бытовых мелочей, часто терялся и даже впадал в ступор. А сейчас именно мелочи становились во главу угла, и постепенно лидерство взял на себя Станислав – коренастый мужик неопределенного возраста. Среди общинников он выделялся коротенькой рыжей бородкой при полном отсутствии усов, лысой макушкой, а также необычайной подвижностью. Казалось, что этот живчик успевает находиться сразу во многих местах. Судя по анкете, Станислав был резчиком по дереву, и до недавнего времени работал в какой-то художественной мастерской. Однако, несмотря на творческую профессию, обнаруживал незаурядную деловую хватку. Оставив фактическое руководство новоявленному лидеру, Илья вместе с Давидом занялся сворачиванием палаток. К ним присоединился Андрей – статный похожий на добродушного былинного богатыря парень. Троица быстро сработалась, и вскоре все делалось, как на конвейере, без лишних слов и обсуждений.

В начале двенадцатого наконец-то выступили в дорогу. Мужчины изо всех сил налегали на платформу. Всем хотелось быстрее добраться до места, а солнце пекло с каждым часом все сильнее и сильнее. От мелких болот поднималось удушливое марево, а к встревоженным птичьим крикам и комариный писк теперь добавился еще и свадебный лягушачий хор. Из близлежащего болотца шумно вспорхнула большая белая цапля. Пролетев над колеей, медленно спланировала к кромке чахлого ельника и скрылась из вида. Неожиданное появление птицы вызвало остановку, и тут же послушались предложения устроить привал. Но Илья, проявив, наконец, твердость, заявил, что осталось совсем немного и надо идти. И на этот раз большинство его поддержало.

Конечная цель действительно была уже близко. Лес все дальше отступал. Вокруг узкоколейки потянулись бывшие совхозные пашни под серым частоколом прошлогоднего бурьяна. И, наконец, справа на возвышении показались дома заброшенного поселка. Железнодорожная колея резко забрала влево и уткнулась в похожий на барак корпус лесопилки.

Станислав тут же начал командовать. Илья хотел было присоединиться к разгрузке, но Андрей, вежливо посоветовал, отправить кого-то на разведку в поселок.

– Вот мы с тобой и пойдем, – быстро согласился председатель, потом позвал и Давида, чтобы тот сразу присмотрел место под склад. Но тут же между ними встрял высокий маргинальный тип, чем-то похожий на длиннорукую исхудавшую гориллу.

– Вы чего, мужики, всей толпой гулять собрались?! – крикнул он осипшим голосом. – Вещи кто разгружать будет!

Илья снова почувствовал, что краснеет. Наверное, он действительно был не прав, забирая с собой сразу двух человек, но жизненный опыт подсказывал, что правота сейчас дело десятое. Если идти на поводу у подобных типов, то скоро каждое решение придется обсуждать на митинге.

Проигнорировав реплику, Илья обернулся к Станиславу и сказал, чтобы после того как снимут вещи, приступали к сборке квадроциклов и прицепов. В ответ тот вытянулся по стойке смирно и, вскинув ладонь к виску, отрапортовал:

– Я воль, гер председатель!

Эту насмешку тоже пришлось проигнорировать, и уходя, Илья чувствовал, как за спиной формируется враждебное к нему сообщество.

К поселку вела глубокая колея, продавленная колесами грузовиков и тракторными гусеницами. Но, похоже, что уже много лет по ней никто не ездил. Листы подорожника – извечного спутника российских грунтовок, забивала молодая трава, а кое-где над колеей качались даже зеленые зонтики лопухов. Печать запустения лежала и на самом поселке. Почерневшие от времени и дождей избы враждебно и насторожено смотрели на пришельцев глазами заколоченных окон. Покосившиеся столбы электропередачи с болтающимися обрывками проводов чем-то походили на виселицы времен подавления пугачевского бунта. Дополняла картину стая воронья. При приближении людей птицы поднялись в воздух и рассерженным карканьем закружились над крышами.

Вот это и была их Земля Обетованная! Ни света, ни тепла, ни нормального жилища! Все надо начинать с нуля, и параллельно думать о будущем. Как за спасительную соломинку Илья схватился за мысль, что никто не заставляет его здесь оставаться навсегда:

" Эксперимент имеет право быть не удачным. Не получится, к осени разбежимся. А может и раньше, как только подъемные закончатся!"

Его невеселые размышления прервал Андрей:

– Илья Петрович, наверное, сразу надо какой-нибудь сарай для дизельного генератора присмотреть. Ветряки потом поставим, с ними хлопот больше.

Давид поддержал его, сказав, что начинать действительно надо с генератора, а дом для первых ночевок присмотреть где-нибудь поблизости, чтобы быстрее протянуть к нему электричество.

Действительно, все было не так уж и сложно! Выбрать дом, для первых ночевок, поблизости установить генератор, а дальше, опираясь на эту базу, начинать освоение территории. Однако в первом же дворе ждало разочарование. В сарае обвалилась крыша, входная дверь дома была сорвана и унесена местными "скарабеями". Но, не смотря на вентиляцию, как только переступили порог, в нос ударил запах плесени и гнили. В довершении всего под ногами затрещали доски. Дальше пошли, разделившись, а когда снова встретились в конце деревни, оказалось, что ничего подходящего так и не нашлось. Везде только разруха, запустение и въевшийся в стены отвратительный запах брошенного людьми жилья.

– Будем выбирать из того, что есть! – заявил Илья с неожиданной твердостью, и тут же вспомнил, что в одном из домов полы оказались ему достаточно крепкими. Теперь туда пошли уже втроем, и, морщась от скверного запаха, долго осматривали заброшенное жилище. Выглядело оно уныло, но виной тому в большей степени был мусор. Пожелтевшие листы старых газет, рваные матрасы с торчащими клочьями ваты, вскрытые консервные банки с окурками в засохшем томате и, как апофеоз мерзости, окаменевшие экскременты по углам комнат. Видимо не так давно, уже после ухода или смерти хозяев, здесь кто-то жил, вернее влачил существование в полном безразличии к окружающей его обстановке. Илья заметил, как Андрей украдкой перекрестился и что-то прошептал, может быть короткую молитву о прежних обитателях дома. Сам же он первый раз в жизни мысленно обратился к Богу, в существование которого пока только пытался поверить. Попросил дать силы, чтобы не скатиться в скотство и грязь, которые караулят человека и готовы поглотить его, как только он опустит руки.

Полы в доме действительно оказались крепкими. Проверив их прочность, Давид даже попрыгал, выйдя на центр большой комнаты. Андрей, осмотрев двор, сообщил, что генератор можно установить под навесом для сена. Крыша выглядела вполне надежно, а стойки

уже потом можно будет обшить досками. В соседнем дворе обнаружился большой сарай, который решили временно оборудовать под склад. Окончательно утвердившись в выборе базы, они шли обратно уже в приподнятом настроении. Вернувшись, увидели, что все вещи сняты с платформы, а квадроциклы с прицепами готовы к эксплуатации. Давид и Андрей сразу же подключились к погрузке. Илья поднял отдыхающую на кипе спальных мешков повариху, велел ей доставать ведра и организовывать женскую команду для приборки дома. Сам же он, вооружившись тесаком и ножовкой, отправился к березняку, чтобы сделать для женщин метлы.

Сын священника

Казалось, судьба заранее определила Андрею выбор жизненного поприща. Детство прошло на окраине небольшого провинциального городка, среди икон в старом пропахшем ладаном деревянном доме. Семья его крепко держалась православных традиций. С малолетства мать водила Андрея в церковь, где отец служил священником, а сама она принимала у прихожан записки и продавала свечи. В школе его дразнили поповским сыном, но он старался не обижаться, и никогда не пускал в ход кулаки. Господь не обидел его силой, но Андрей уже знал, кем ему перестоит стать, и учил себя смирению. За все школьные годы он всерьез дрался только два раза. Один раз, заступившись за товарища, которого терроризировали старшеклассники. В другой раз принял участие в групповой потасовке, когда на дискотеку в их школу завалилась кодла парней из соседнего поселка. Из всех этих случаев Андрей все-таки вынес урок, что драться надо уметь, и, впервые послушавшись отца, стал ходить в секцию боевого САМБО.

Помощником тренера там работал его старший брат. В их патриархальной семье Николай был смутьяном и нарушителем устоев. Еще до призыва в армию он ушел из дома и какое-то время жил у товарища. Вернувшись со срочной службы, поселился у сожительницы – женщины на несколько лет старше его, работающей продавщицей в местном продмаге. Родители прекратили с Николаем общение, но Андрей знал, что отец постоянно молится о его брате. А в какой-то момент он вдруг понял, что не его – послушного и прилежного сына, а именно Николая родители любят гораздо сильнее. Открытие это стало для Андрея потрясением. Он быстро сумел подавить в себе обиду и ревность, но с той поры границы добра и зла, любви и нелюбви, стали не так отчетливы и понятны, а знакомую с детства притчу о блудном сыне перечитал уже совершенно другими глазами.

Несмотря на отсутствие агрессивности, занятия борьбой проходили успешно. В зале Андрей был одним из лучших, правда, на соревнованиях выигрывал редко. Не хватало спортивной злости, и в сопернике он продолжал видеть товарища. Не раз Андрей получал разносы от тренера – человека примитивного и грубого. А потом были еще тяжелые разговоры с братом. Николай искренне любил Андрея и по-своему пытался направить его на "путь истинный". Эти беседы не могли поколебать, заложенных с детства устоев, но рождали вопросы, на которые Андрей пока не мог себе ответить.

Восприятие мира кардинально изменилось во время службы в армии. За год до его призыва правительство, исходя из демографической ситуации и внешнеполитической обстановки, снова увеличило сроки службы. И тут же вернулись неуставные отношения. Во всяком случае, так было в части, где "посчастливилось" служить Андрею.

С детства привыкший к послушанию, он безропотно выполнял приказы сержанта, спокойно относился к тому, что "тяготы и лишения" ложатся на плечи новичков непропорционально больше. Возможно по этому, отношение старослужащих к нему было достаточно лояльным. Куда меньше повезло одному из его товарищей по призыву. Избалованный городской юноша с неустойчивой психикой оказался под настоящим прессом издевательств. Впервые Андрей своими глазами увидел, насколько далеко может зайти человеческая жестокость по отношению к незащитному. При этом он интуитивно чувствовал, что большинство "дедов" в их взводе вполне нормальные люди, и в нормальной обстановке будут вести себя совершенно

по-другому. Но сейчас какая-то незримая сила устанавливала законы жестокости, принуждая их либо участвовать в издевательствах, либо оставаться равнодушными наблюдателями.

Однажды, не выдержав, Андрей вступился за жертву. Сначала ему просто велели отойти в сторону. Потом, видя что "салабон" упорствует, ударили по лицу. Удар был не сильный, больше для острастки, но боль и психологическое напряжение дали совершенно неожиданный эффект. Во вспыхнувшей драке, Андрей впервые в жизни старался искалечить противников. Возможно, он мог бы убить, но Господь на этот раз уберег. Результаты и так были плачевными. Сам Андрей надолго угодил в госпиталь, туда же отправились и двое из нападавших.

Находясь на излечении, он неожиданно подружился с одним из своих противников. В другой обстановке, тот действительно оказался вполне нормальным парнем. Звали его Николаем, как и брата. Они чем-то даже походили внешне, но особенно были схожи мировоззрением. Во время бесед со своим новым товарищем Андрей опять столкнулся с взглядами на жизнь, совершенно отличными от тех, что прививали ему дома.

О том, что человеческая природа греховна, он знал и из священного писания. Но считал, что долг всякого эту греховность в себе перебороть, и почему-то думал, что и все остальные это понимают. Но оказалось, что именно греховная сторона человеческой породы многими принимается за достоинство. По их мнению именно гордыня, жажда власти, и даже плотская похоть являются мощными стимулами для совершенствования человека. В спорах Николай обычно побеждал, приводя неоспоримые факты, среди которых была и теория Дарвина. Но, признавая доводы оппонента, Андрей упрямо продолжал верить в привитые с детства истины. К тому же он чувствовал, что его новый товарищ в душе добрее, чем мировоззрение, которое он проповедует.

По возвращению из госпиталя, Андрей был переведен в следующую ступень неуставной армейской иерархии. А по мере того, как старослужащие уходили на дембель, расклад сил менялся не в их сторону. Кончилось все тем, что над задержавшимися учинили расправу, припомнив все старые обиды. Попытка Андрея остановить избиение и издевательства привела к конфликту уже с товарищами по призыву. А верховодил расправой тот самый парень, спасая которого, Андрей угодил в госпиталь. Некоторым оправданием происходящего была вроде бы справедливая месть, но вскоре Андрей еще раз воочию увидел, как недавние жертвы сами становятся насильниками. С появлением новобранцев история повторялась. Причем, те, кому больше всего досталось от "дедовщины", на глазах становились самими яркими хранителями ее традиций.

Домой Андрей вернулся с бурей в душе, а попал в ту же застывшую атмосферу молитв, икон и ладана. Старшего брата в городке к тому времени уже не было, вскоре после ухода Андрея в армию он перебрался в столицу. Еще в разгар лихих переломных лет многие из друзей Николая по спортивному залу отправились туда ловить удачу. Для некоторых поиски лучшей жизни закончились плачевно. В городок тогда, словно с линии фронта, приходили "похоронки" и сообщения о судебных процессах над земляками. Но одному из одноклубников все-таки удалось закрепиться и наладить свой вполне легальный бизнес. Много лет спустя, посетив малую родину, он зашел в зал, откуда началась дорога в "большую жизнь". Прямо в тренерской комнате они распили с Николаем бутылку пятизвездочного армянского коньяка. В порыве пьяного благодушия гость обещал устроить бывшего одноклубника в свой бизнес. Хоть и не сразу, но обещание свое он действительно выполнил.

Нормальной работы Андрей в своем городке найти не смог. Отец настаивал, чтобы он пока пристроился сторожем при церкви, а в следующем году ехал поступать в семинарию. Андрею больно было огорчать родного человека. За время его отсутствия отец сильно состарился, стал рассеянным и суетливым. Наставления сыну он с болезненным занудством повторял несколько раз на дню. Но Андрей чувствовал, что не может и не должен становиться

духовным наставником других, пока сам не разобрался в этой жизни. Но для этого надо было окунуться в самую сердцевину непонятого и враждебного мира.

Встретив Андрея на вокзале, Николай повез показывать достопримечательности. Потом отметили приезд в ресторане. Никогда не выбиравшийся дальше областного центра Андрей был поражен столичным размахом. Однако неприятный осадок оставило то, что брат после ресторана сел за руль выпивши. Машину Николай водил мастерски, но Андрей интуитивно чувствовал в его пьяной бравате большую опасность. Потом, при общении с другими людьми, у него не раз возникало это чувство тревоги. Казалось от сытой и обеспеченной жизни что-то сдвинулось в людских головах в опасную сторону. Иногда Андрей даже представлял несущийся в пропасть поезд. Кто-то безмятежно спит в купе, кто-то поливает потолок вагона-ресторана шампанским. А тем временем, покинутый машинистами состав, разрезая черный ночной мрак, летит к зияющему пролому моста...

Брат помог устроиться электриком в солидную фирму (специальность Андрей успел приобрести в армии). Зарплата, по меркам их городка, показалась огромной. Часть ее приходилось выплачивать за квартиру, но и оставшихся денег хватало на вполне сносную жизнь, помощь родителям и на покупку книг. В родном доме Андрею была доступна только православная литература. Сейчас же он смог окунуться в мир совершенно разных идей и взглядов. Почти у каждого из авторов можно было найти убедительные доказательства собственной правоты, но настоящее потрясение Андрей испытал, познакомившись с трудами Ницше. Философия его вызвала в душе протест, но он все равно не мог не признать страстную убедительность доводов и увидеть в них жестокую правду. С удивлением Андрей обнаружил, что мировоззрение, которое исповедовал его армейский товарищ, и взгляды, которых придерживался брат, очень походили на учение немецкого бунтаря и богоборца.

Помимо литературно – философских изысканий Андрей узнавал и нравы окружающих его жителей мегаполиса. Подавляющее большинство, не задумываясь ни о каких высоких материях. Однако и здесь просматривался упрощенный вариант жизненной философии – некое кредо, состоящее в неустанном стремлении к материальному комфорту. Будучи человеком совершенно иного воспитания, Андрей мог наблюдать поведение людей, как бы со стороны. И он видел, что именно эта постоянная борьба за благополучие, не позволяет большинству из них быть счастливыми. Но сторонним наблюдателем ему пришлось быть не долго. Случилось то, что должно было случиться. Зов плоти, до сей поры заглушенный аскетическим воспитанием, наконец, заявил о себе в полный голос.

В мире, в котором он теперь жил, чуть ли не на каждом рекламном щите красовалось полуобнаженное женское тело. В метро, по дороге на работу, в магазине и парке его окружали живые носительницы соблазнов. Молодые стройные, одетые по канонам вызывающе-откровенной моды, они шли мимо, либо презрительно не замечая, либо кокетливо стреляя глазами, в ответ на восхищенный взгляд провинциала. Их соблазнительная красота раскрашивала и оживляла этот бездушный мир, и в то же время была его частью, превращаясь в ходовой товар. И хотя рекламная агрессия Эроса вызвала протест, зов плоти заглушить было невозможно.

С Людмилой они познакомились на вечеринке у брата. Она была на два года старше и неизмеримо богаче жизненным опытом. Не будучи от природы красавицей, талантливо конструировала свой облик с помощью косметики и ухищрений моды. В характере Людмилы над всеми прочими составляющими уверенно преобладало чисто женское начало. И потому, встретив застенчивого неотесанного и в то же время красивого, словно сошедшего с иллюстрации русских былин, молодого богатыря, она просто не могла ни испытать на нем свои чары. Победа далась не так уж легко. Застенчивость и привитые с детства моральные запреты какое-то время держали оборону, но это только распалая азарт соблазнительницы.

Для Андрея первая близость с женщиной стало откровением – шокирующим и даже разочаровывающим. Но потом он, словно в омут, окунулся в совершенно иную для него

жизнь – в игру с незнакомыми правилами. Однако воспитание еще долго давало о себе знать, и он хотел не просто близости, а создания настоящей семьи, что совершенно не входило в планы Людмилы. Для нее игра в совращение провинциального мальчика была окончена, а он, плохо понимая, что происходит, пытался наладить распадающиеся отношения. Даже узнав, что помимо него Людмила встречается с шефом его брата и с самим Николаем, он не отступился от своей избранницы. Но попытка спасти заблудшую грешницу закончилось банально и грустно. Откровенная и циничная отповедь, которую устроила ему Людмила, оставила в душе тяжелую рану. Андрей словно увидел пугающую изнанку мира. Бездна, которая перед ним приоткрылась, показалась куда глубже и страшнее чем примитивная жестокость армейской дедовщины. Так на истории своей несчастливой любви он сделал еще одно открытие:

" Помимо прочих бед и проблем существует еще один извечный конфликт разделенного на два пола человечества."

Веру в людей Андрей почти потерял. Вера в Бога, утратив былую прямолинейность, изогнулась в гигантский вопросительный знак. Какое-то время он жил, словно в затяжном парашютном прыжке, зависнув между землей и небом. И в этом неустойчивом иллюзорном существовании не оставляло ощущение грядущих трагических событий.

Гром грянул в холодную февральскую ночь, разбудив тревожной трелью телефонного звонка. На фоне шума дороги Андрей с трудом различал голос брата. Николай сообщил, что у него крупные неприятности. Возвращаясь с корпоративной вечеринки, он не справился с управлением на скользкой наледи и стал виновником ДТП со смертельным исходом. Экспертиза установила, что в тот вечер Николай выпил изрядную дозу спиртного, а так как трагический случай пришелся на разгар очередной антиалкогольной компании, длительный тюремный срок теперь был для него неминуем.

Последующие месяцы слились в единое кошмарное месиво. Яркими пятнами в памяти запечатлелись только разгневанные лица родственников потерпевших, и мужчина за стеклянной перегородкой, в котором трудно было узнать брата. На глазах Андрея, словно лохмотья шутовского наряда слетело доморощенное нищестанство, обнажив слабое раздавленное судьбой человеческое существо. Новые доктрины рухнули при первом же серьезном ударе судьбы, зато старые, привитые с детства заповеди вдруг обрели новое звучание. Когда судья зачитывал приговор брату, Андрей уже знал свой дальнейший жизненный путь. Однако в семинарию ни в этом, ни в последующий год он поступать не стал. Ему еще многое нужно было понять и переосмыслить.

Инженер-романтик

Следующее утро они встретили уже под крышей. Женщины отмыли оставшуюся от прежних жильцов грязь, и даже умудрились создать некое подобие уюта. Недоступные мужскому пониманию мелочи, вроде глиняных графинов с полевыми цветами и кружевных салфеток на подоконнике, сразу же оживили мертвую пустоту заброшенного дома. Однако, устраиваться на ночлег пока пришлось на полу. Кровати и многие другие атрибуты цивилизованного быта откладывались на неопределенное будущее.

Сон долго не приходил. Рядом кто-то громко храпел. Кто-то кричал и разговаривал во сне. Воздух, не смотря на открытые настежь окна, был тяжелым и затхлым. Лишь только под утро потянуло предрассветным холодком. Илья глубже закопался в спальный мешок, и сознание, наконец, улетело путешествовать в далекие астральные миры. Когда открыл глаза, на потолке уже играли солнечные зайчики. Окно выходило в заброшенный сад, и было видно, как по веткам прыгают птицы. Чувствуя себя бодрым и отдохнувшим, он перебрался через ноги спящих, осторожно отворил перекосившуюся от старости дверь и шагнул навстречу солнечному утру.

Еще вчера удалось организовать необходимый минимум бытовых удобств. Отскребли от накопившейся мерзости ближайшее туалетное строение. На противоположной от крыльца глухой стене дома развесили несколько рукомойников. Воду натаскали из колодца, который, на счастье, оказался вполне пригодным. Заброшенная деревня, пока осторожно, с оглядкой, открывала под слоем тлена крепкий остов, созданный многими поколениями трудолюбивых людей. И Илья уже чувствовал, как у него начинает возникать незримая связь с этой землей.

Окончательно взбодрившись от нескольких пригоршней холодной воды, он отправился в кухонную пристройку. Там с раннего утра хозяйничала Надька. В наследство от прежних хозяев ей досталась раритетная кухонная плита. Подогревался музейный экспонат с помощью дров, и Илья вошел как раз в тот момент, когда в плите безуспешно пытались раздуть огонь. Дежурил в это утро Борис. По анкете этому классическому персонажу неудачника-интеллигента стукнуло сорок пять, на взгляд же можно было дать от сорока до шестидесяти. Такие щуплые ничем не примечательные люди медленно стареют, но и молодость их проходит, как-то совершенно незаметно. В прошлой жизни Борис был младшим научным сотрудником. Наверное, имел шанс к концу жизни дослужился до старшего, если бы не обрушившиеся на страну перемены. Выдернутый из тепличной академической среды он несколько лет безуспешно пытался закрепиться в чужом враждебном мире. Наверное, счастливый случай привел его в общину, но и здесь не все шло гладко. В настоящий момент Борис безуспешно пытался справиться с печкой, а над ним грозно нависла дородная фигура поварихи.

Оценив ситуацию, Илья понял, что дежурный "перекормил" печь дровами. При плохой тяге огню никак не удавалось овладеть переизбытком горючего материала. Начиная разгораться, он быстро слабел, вырождаясь в тоненькие струйки дыма. Отстранив неудачливого кочегара, Илья стал вынимать лишние поленья. Оставив две, уже слегка обуглившиеся чурки, скомкал лист оберточной бумаги и положил между ними. Пока расщеплял топориком самое большое полено, бумага загорелась. Вскоре языки пламени уже лизали чугунный круг плиты. Передав дальнейшую заботу о печке дежурному, Илья покинул кухню. Сейчас он был доволен с собой. Вчерашняя растерянность прошла, и в голове постепенно складывался план дальнейших действий.

Завтракали во дворе перед домом. Еще вчера, под руководством Станислава организовалась плотницкая бригада, и первым ее почином стали несколько скамеек и два длинных стола. Сдвинув их, смогли разместиться всей общиной. Пятнадцать человек в походной одежде за общим обеденным столом словно сошли в эту реальность со старинных фотографий крестьянских артелей. А повариха вместе с Анастасией обходили стол и раскладывали из кастрюли по мискам кашу с тушенкой.

На кашу Илья накинулся с волчьим аппетитом. Сегодня он чувствовал себя бодрым и помолодевшим, а мир вокруг снова стал многограннее и глубже. Мелкие тучки играли с солнечным светом, подкрашивая небо алыми полосами, похожими на летящих змеев. Открывавшийся с холма вид дышал простором и свободой, в воздухе витало ощущение весенней свежести. Все было словно в далекой молодости. Илья чувствовал как в душе пробуждающиеся силы и уже совершенно не жалел о том, что рискнул так круто изменить свою судьбу.

Когда-то мечтательный юноша очень боялся прожить обычную заурядную жизнь. Презрение ко всему обывательскому, мещанскому, пошлому в те времена подогревалось еще и пропагандой. Надо было культивировать романтические настроения у молодых строителей коммунизма. Однако под обветшалым фасадом правильных лозунгов проступал совершенно иной мир. Серыми змеями извивались длинные мрачные очереди, теряя человеческий облик, люди дрались за дефицит, а то и просто за кусок колбасы или бутылку водки. Брешь между идеологией и реальной жизнью становилась все шире, и, словно придорожная канава, быстро заполнялась отбросами. Кто-то, слушая брэнчание гитары, ехал на комсомольские стройки. А кто-то с остервенелой энергией устраивал свое личное благополучие. И если раньше было

ясно – на чьей стороне правда и сила, то теперь ответ вопросительным знаком зависал воздухе. Повсеместно: – у прилавка винного отдела, у задних дверей склада и даже у театральных касс, как прообразы будущих мафий, складывались свои неформальные сообщества. Корысть, волчьих законы выживания, покинув грязный подвал, разбредались по всему зданию, пугая обитателей верхних этажей своим неприглядным обликом.

Илья остро, переживал эту раздвоенность внешнего мира. К окончанию института он успел обжечься и на романтической влюбленности и на иллюзиях о крепкой мужской дружбе. Временами он даже представлял себя альпинистом, который соскальзывает по леднику и отчаянно пытается зацепиться за какой-нибудь выступ. Одной из таких зацепок стало стремление сделать карьеру инженера. Корыстных мотивов здесь почти не присутствовало. Было лишь желание изобрести что-нибудь "очень нужное", оставить, что-то после себя людям. Особенно обострялось это стремление во время юношеских депрессий, когда сквозь защитную оболочку психики прорывалось осознание своей смертности.

Попав в застойную рутину заштатного отраслевого НИИ, он быстро распрощался с этими последними иллюзиями. Большинство новых приборов начинало ломаться еще на этапе производственных испытаний. Протолкнуть очередную разработку всеми правдами и неправдами, как правило, удавалось, но потом детище коллектива отправлялось пылиться на заводской склад. В курилках дружно осуждали сложившуюся систему, но никто не пытался что-либо изменить. Люди жили, словно во сне. Правда, многие подсознательно ожидали пробуждения. И вот оно наступило...

Долгожданный ветер перемен не оказался приятным морским бризом. Холодный ураган безжалостно рушил ветхие строения, а отстраивать "новое жилище" для их обитателей никто уже не собирался. Но постепенно на смену дикому рынку приходил более цивилизованный бизнес, и снова потребовались люди с техническими знаниями. Пережив полосу неустрашенности, Илья сумел найти свою нишу в новой жизни. Обнаружились у него и некоторые организаторские способности. В результате он оказался на ступени, видимо и предназначенной для человека его душевного склада. Руководитель небольшой группы, что-то вроде лейтенанта по армейской иерархии. Наверное, такой ранг был изначально вписан в книгу его судьбы.

Процветания достичь не удалось, но более менее достойное существование жене и дочерям обеспечивать пока получалось (хотя у них, на этот счет, было особое мнение). И все же, несмотря на относительную стабильность и обеспеченность, Илье все больше не нравилась жизнь, которую он вел, не нравилось то, что его окружало. К пятидесятилетию рубежу это недовольство обострилось. Психологи объясняли это кризисом среднего возраста. Он же больше склонялся к тому, что причина все же лежит во внешнем мире. На смену свергнутой идеологии быстро пришла новая. "Любить и баловать себя" призывали сексуальные дивы с телеэкранов. Не лишены обаяния и таланта ведущие многочисленных шоу с сытым цинизмом развлекали публику и топтали все, что не вписывалось в новые догмы. И любая попытка сопротивления жестко пресекалось даже на домашнем уровне. Нелестные замечания Ильи по поводу сериалов и ток шоу встречали такую гневную отповедь жены и дочерей, будто он оскорбил чувства религиозных фанатиков. Даже его демонстративный уход от просмотра телевизора воспринимался, как вызов. Все чаще звучали и претензии к уровню благосостояния семьи, который он, на пределе физических и душевных сил пытался обеспечить. Трещина между ним и самыми близкими людьми все углублялась.

Случайно узнав, что у жены появился другой, Илья был шокирован, разгневан, а потом вдруг понял, что это даже к лучшему. Разрыв, скорее всего, был неизбежен, не хватало только серьезного повода. Но, обретя свободу, он не нашел счастья. Освободившись от пут супружества, Илья вдруг очутился в мире, где абсолютно никому до него не было дела. Красивые, элегантные, со вкусом одетые женщины встречались, чуть ли не на каждом шагу. Но все они проходили мимо, глядя куда-то в сторону, не отрывая от ушей мобильные телефоны.

Участившиеся звонки к друзьям вскоре стали вызывать у абонентов иронию и даже раздражение. У всех вокруг был свой маленький мирок, а он везде чувствовал себя лишним. Взаимоотношения с семьей сводились теперь к коротким встречам со старшей дочерью. Происходило это раз в месяц, когда он передавал конверт с деньгами. Потом Илья обычно приглашал дочь в кафе. Та соглашалась, но видно было, что делает это по обязанности. На все его вопросы отвечала коротко и односложно, сама вопросов почти не задавала.

Снова Илья ощущал себя альпинистом на ледяном склоне. Безуспешно пытаясь зацепиться ледорубом, он продолжал скользить вниз. И вот однажды по электронной почте поступило приглашение зайти на сайт "Альтернативный путь". Сначала он хотел удалиться от него, как спам, но в последний момент вдруг пробудилось любопытство.

После завтрака Илья организовал "планерку". Участвовали руководители стихийно сложившихся бригад. Электрикам, во главе с Андреем, поручено было сделать проводку в первом доме и кухонной пристройке, и заняться электрификацией склада. Тем временем плотницкая бригада Станислава начинала восстановление еще одного соседнего дома. Не смотря на устрашающее взгляд запустение, работы здесь оказалось не так уж и много. Починить крыльцо, заменить несколько половых досок, подправить перекосившиеся дверные коробки. Параллельно с плотниками шла женская санитарная бригада. На ее долю выпадала самая черная работа – отмыть, отскоблить, уничтожить скопившуюся за годы хозяйствования бомжей мерзость. Руководителем женского подразделения Илья назначил Марьяну. Эта статная, еще сохранившая следы былой красоты женщина, выглядела на свои анкетные сорок два. Она явно пренебрегала косметикой, и прожитые годы успели наложить печать на лицо. Но в красивых карих глазах светилась молодая энергия и решительность. Вместе с мужем они были единственной семейной парой в общине. Ее супруг Николай производил впечатление тихого забитого существа. В Марьяне же наоборот и угадывалась склонность к лидерству, и Илья остановил выбор именно на ней. Судя по всему, он не ошибся. Подавая пример остальным подразделениям, женская бригада сразу заработала четко и слажено. Первым делом от грязи было очищено помещение будущего склада, и Давид, приступил к размещению и инвентаризации общинного имущества.

Сам же Илья после планерки вместе с будущим главным агрономом общины поехал осматривать поля под посадку. Помимо этого надо было заглянуть на заброшенную лесопилку, а также выяснить состояние дорог связывающих поселок с внешним миром. Когда прорабатывали маршрут, никто не мог подсказать, как добраться сюда автомобильным транспортом. Поэтому и пришлось воспользоваться узкоколейкой. Однако Илья надеялся, что этот путь не единственный.

Выпускник агротехникума

Лихо подпрыгивая на ухабах, квадроцикл летел по дороге. Хотя назвать так эту колею можно было лишь условно. Вцепившись в поручни перед сидением, Влад боялся, что вылетит сейчас в придорожную канаву. И почему-то, казалось, что чудаковатый председатель даже не заметит потери пассажира и, витая в своих мыслях, умчится куда-то дальше. По сторонам он почти не смотрел, пасторальные пейзажи уже на второй день стали для него унылым затяжным кошмаром. Раньше он и не представлял, что зеленой травы, леса, свежего воздуха может быть слишком много.

Несмотря на выбранную специальность, Влад не мыслил себя вне родного мегаполиса. Поступая в аграрный колледж, он руководствовался не призванием, которого он в себе никогда не ощущал. Мотивы были куда прозаичней: – низкий проходной бал и наличие военной кафедры. Учебное заведение, созданное совсем недавно в самый разгар продовольственного кризиса, всем этим требованиям соответствовало. Военная специальность, которую полу-

чали выпускники, называлась "командир взвода химзащиты". И это был не очередной курьез генеральской мысли, химия в колледже действительно являлась главным направлением. А вот почвоведение занимало очень скромную нишу. Зато преподаватель оказался настоящим зверем. Сдать зачет, можно было, только посещая его факультатив, где замшелый энтузиаст из прошлой эпохи пичкал несчастных студентов теорией собственной разработки. По два часа в неделю приходилось слушать никому не нужный бред, как, смешивая в определенной пропорции разные типы почв, получать урожаи без каких либо химических добавок. С безумным огоньком в глазах непризнанный гений вещал, о том, что мать-природа хранит в своих естественных кладовых неисчислимые богатства и нужно только уметь их извлечь. Жертвы его подвижничества, подавляя приступы зевоты, делали вид, что увлеченно записывают. И Влад был одним из самых активных участников этого спектакля.

Хорошая учеба с некоторых пор стала его жизненным кредо. И способствовал тому, как ни странно, всего лишь один короткий разговор с отцом. Родителей он в глубине души любил, но совершенно не уважал. Рудименты ушедшей эпохи, беспомощные перед потоком технических новшеств, они не могли даже скопить денег на ремонт квартиры. И еще чему-то пытались учить! Когда на первом курсе Влад чуть не завалил сессию, и отец пришел читать ему нотацию, молодой человек попытался настроить себя на несколько минут сыновей почтительности. Он уже заранее знал, что ему предстоит услышать. Но отец, как ни странно, не стал обрушивать на голову шалопая очередной поток занудных истин. Тихо, словно за что-то извиняясь, он с грустью в голосе произнес:

– Ты, Владик, видел, как мы с матерью жили. И дальше нам тоже ничего не светит. Единственное, что сумели, так это тебя вырастить. Дали возможность образование получить. Богом заклиная, не упускай ты этот шанс! У нас ведь одна надежда – чтоб у тебя все по-другому сложилось.

Владу вдруг стало очень жалко отца. И исправиться он в тот раз пообещал вполне искренне. А через полгода, когда отец буквально сгорел от поздно обнаруженного рака, эти слова снова всплыли в памяти, и прочно засели там, кровоточащей занозой.

Окончив колледж с отличными оценками, Влад, устроился на работу в одну из аграрных фирм. Филиал, где он начал свою карьеру, базировался за МКАДом всего лишь в нескольких километрах от его спального района. Как и ожидалось, из всех полученных в колледже знаний, больше всего пригодилась химия. Современные аграрные предприятия совершенно не походили на фермерские хозяйства ушедшей эпохи. От двухэтажного офисного здания, словно щупальцы спрута, расползались длинные коридоры теплиц. Здесь, под стеклянной крышей в желобах из нержавеющей стали текли ручейки минеральных растворов, и в этой мутной жиже плавали белесые, никогда не знавшие настоящей почвы пучки корней. К заменяющим солнце лампам, словно лианы, тянулись длинные огуречные плети. А похожие на мангровые леса помидорные заросли, были усеянные гладкими, как елочные шары, плодами. Работать в этих искусственных тропиках полагалось в костюме химзащиты. Так что Владугодились и полученные на армейских сборах навыки. Правда, большую часть времени он проводил в офисе за компьютером, составляя дозировки питательных растворов, анализируя графики урожайности.

Зарплату на предприятии выплачивали стабильно, однако ее хватало только на еду и текущие расходы. Но были еще и квартальные премии, а они уже целиком зависели от полученных комплексной бригадой урожаев. Главным фактором успеха здесь была правильно составленная дозировка питательного раствора, так что недавний выпускник колледжа вскоре стал главным человеком в бригаде, не только по занимаемой должности. Шуточки в адрес "бугра" продолжали звучать, но это уже была дружеская ирония ветеранов к молодому, но уже проявившему себя в деле командиру.

Поначалу все складывалось удачно. Влад стал неплохо зарабатывать. Теперь он, наконец, смог приобретать дорогую аппаратуру, хорошо одеваться, водил подружек по кафе и ресторанам. С одной из них он даже провел свой первый отпуск под жарким тропическим солнцем. Но в планах было гораздо большее. Влад мечтал о своем собственном коттедже в элитном поселке, где-нибудь километрах в тридцати от МКАДа. Туда уже можно будет привести будущую подругу жизни, и поселить мать.

" Пускай хоть на старости лет поживет на свежем воздухе, повозиться с огородными грядками. Кстати, там можно будет и теорию чудака почвоведов проверить. Не кормить же семью всей этой агрохимией!"

Планы строились на отдаленное будущее, однако, по иронии судьбы, и свежий воздух и теория почвоведов оказались для него ближайшей реальностью. В то утро Влад успел только включить компьютер, как его вызвали к начальству. Сразу же повеяло холодком недоброго предчувствия. А когда рядом с директором филиала он увидел начальника внутренней службы безопасности, стало совсем не хорошо. В голове испуганно пронеслось:

" Наверное, мои охламоны несколько ящиков помидор налево пустили. Еще и попались, сволочи!"

Чувствуя на себе пристальный взгляд местного секьюрити, Влад присел на предложенный директором стул.

– На, вот, ознакомься! – произнес шеф, и протянул какой-то документ. Пробежав бумагу глазами, Влад сразу понял, что дело не просто плохо, а очень плохо. В погоне за урожаями составители дозировок балансировали на грани дозволенного. Очень часто эту грань переступали, но, как правило, все сходило с рук. Однако на этот раз Владу не повезло. Последняя партия помидоров из его теплицы стала причиной массовых отравлений. Скорее всего, неудачно сложились сразу несколько факторов: – самоуверенность молодого специалиста, особенности данного сорта, халатность непосредственных исполнителей, за которую Влад, как бригадир, тоже нес ответственность. Когда директор назвал сумму уже понесенных убытков, и то, что еще предстоит выплатить по судебным искам, Влад уже не сомневался, что работать здесь больше не будет. Но все оказалось еще хуже.

– Ну и когда ты нам все это компенсируешь, – как-то очень буднично поинтересовался шеф. Влад с изумлением посмотрел на него и на начальника безопасности:

" Неужели они это всерьез?!"

Но, похоже, что шутить с ними никто не собирался.

– Давай подскажу, как быстрее, – по-отечески ласково произнес начальник службы безопасности, и стал загибать пальцы:– Машину продашь, это сейчас быстро делается. С квартирой сложнее, но ничего справишься. Переедите с матушкой к нам в поселок в общагу. Так что, без крыши не останетесь. Несколько месяцев поработаешь на фирму без зарплаты. У нас ведь сотрудников обедами кормят?

Последний вопрос был обращен к директору. Подтверждая факт сего благодеяния, тот кивнул головой.

– Ну вот, значит, с голоду тоже не помрешь! – подытожил начбез.

Прямых угроз в его адрес не прозвучало, но они и не понадобились. Влад и так был сильно напуган. Этот щуплый коротышка умел внушать людям страх. Неизвестно где он обучился этой мерзкой науке, на каких-нибудь специальных курсах для сотрудников спецслужб, а, может быть, просто был талантливым бандитом, хорошо умеющим выбивать из своих жертв деньги. Про прошлое начбеза на фирме ходили противоречивые слухи, закрепляя за ним репутацию страшного человека. Однако, когда Влад оказался за дверями директорского кабинета, паника быстро прошла. Зайдя в офис, он молча собрал вещи и через несколько минут был на служебной парковке. Сначала промелькнула мысль, что его могут не выпустить. Но видимо правду говорят в народе, что у страха глаза слишком велики. Не задавая вопросов, охранник

поднял шлагбаум. В последний раз, проехав мимо стеклянных коридоров теплиц, Влад оказался на шоссе. Трудовая книжка осталась в отделе кадров, но на это пришлось махнуть рукой. После окончания колледжа прошло всего пара лет, и он вполне мог начать трудовую деятельность с чистого листа.

На новую работу он действительно устроился быстро. Фирма занималась поставками только импортных овощей, и можно было не опасаться, что здесь узнают о неприятном случае в его прошлом. Прежние хозяева никак о себе не напоминали. Правда, на всякий случай Влад приобрел новую симкарту, оформив ее на свою подружку. Проводку домашнего телефона он втайне вывел из строя, а матери купил мобильный с безлимитным тарифом, убедив ее, что это дешевле и проще чем связываться с ремонтниками. И вот когда неприятности, казалось бы, стали забываться, прошлое неожиданно напомнило о себе.

На работу он теперь ездил только на метро. Так было проще и быстрее, чем стоять в бесконечных пробках. В тот вечер, по дороге из офиса он выпил банку алкогольного коктейля, и дому шел в приподнятом настроении. В мыслях прибывая уже на своей уютной кухне, Влад поднялся к лифту, и вдруг почувствовал, что на площадке между первым и вторым этажами кто-то стоит. Спиной ощущая опасность, он быстро нажал кнопку. Где-то на верхних этажах кабина со скрежетом пришла в движение, а сзади послышались быстрые шаги. Влад успел только обернуться, как его прижали к стене. Перед собой он увидел ничем не примечательное лицо наполовину скрытое низко надвинутой спортивной шапкой. Того, кто стоял сзади, он вообще не смог рассмотреть.

– Про долг не забыл? – поинтересовался незнакомец.

– Да, да помню. Вот машину пытаюсь продать – пролепетал Влад, чувствуя, как мелко затряслись поджилки.

– Плохо пытаешься, проценты уже капаят. – предупредил незнакомец, а потом назвал место, куда через две недели надо принести первый взнос. Соглашаясь, Влад закивал головой и вдруг получил страшный удар в низ живота. Согнувшись от боли, он рухнул на пол.

– Не забывай, тебе еще и квартиру продавать – прозвучало откуда-то сверху. А когда он смог поднять голову, в подъезде уже никого не было.

Благодаря Интернету машину удалось продать очень быстро. Но теперь предстояло самое страшное – сообщить матери, о предстоящей продаже квартиры. Чувствуя себя последним мерзавцем, он все-таки решился начать этот разговор. Криков возмущения не услышал, но взгляд матери оставил еще одну незаживающую занозу в душе. Это было последнее крайнее отчаяние человека, терявшего все, что осталось у него в этой жизни. Как совладелица собственности, она могла воспротивиться, но понимала, что спасает сына – свое единственное позднее чадо, свет в окошке, вокруг которого, словно мотыльки еще недавно вились все чаяния и надежды.

До выплаты оставалось несколько дней, когда сквозь липкую пелену страха пробилось желание сопротивляться. Он понимал, что если сейчас отдаст деньги, дальше его обязательно дождут. Но, а если он этого не сделает, меры устрашения гарантированно применят. Сознание отчаянно металось в поисках выхода когда, будто откуда-то свыше пришла подсказка. Открыв Интернет, Влад в строке новостей увидел странное объявление. Некое общество "Альтернативный путь" приглашало в свои ряды человека с агротехническими навыками, способного понять городской комфорт на здоровый сельский труд и служение идее.

В тот же день Влад взял матери билет в Воронеж, где жила ее старшая сестра. Тетя Нюра коротала свой век в одиночестве, и потому с радостью согласилась поселить у себя близкого человека. Квартиру сдал через агентство, договорившись, что деньги будут поступать на карточку матери. Дальше оставалось только исчезнуть самому.

Квадроцикл резко затормозил у спуска к реке. Дорога круто уходила вниз и там обрывалась у кромки воды. Когда-то здесь был мост, но сейчас от него остались только опоры. Серые бетонные столбы резали течение, рождая за собой мелкую волну и крохотные водовороты. На противоположном берегу дорога поднималась на другой склон и уходила в лес, за которым, судя по карте, пролегало шоссе.

– Ну что ж, поздравляю! Мы на острове. Отрезаны от цивилизации. – торжественно изрек председатель. Влад почувствовал себя в ловушке. Еще утром он в тайне надеялся, что где-то недалеко на доступном расстоянии находится шоссе, а оттуда автобусом или попуткой можно добраться до ближайшего города. И пускай это забытая Богом провинция! Кафе и кинотеатры есть сейчас даже в самой медвежьей глухомани. В торговых палатках наверняка стандартный набор пива и коктейлей. Опрокинув в себя содержимое одной или двух металлических банок, можно будет прогуляться где-нибудь по центральной улице. Потолкаться в магазинах среди приехавших на выходные столичных дачников. Привычная быстрая речь. Новые незнакомые лица. Яркий калейдоскоп жизни вокруг.

"Почему он раньше не ценил это?"

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.